

⁹ Точнее, в этом документе Индокитай упомянут один раз. Указывалось, что на этой территории находится влиятельное китайское меньшинство, экономическая монополия которого должна быть уничтожена (Тай Нампо саку ёко ан, Тосёкан-Киси корёкусион, В3-351 (KK32-36). URL: http://d-arch.ide.go.jp/kishi_collection/collection.php?cmark=B3-351&page=8).

¹⁰ *Tabuchi Y.* Indochina's Pole in Japan's Greater East Asia Co-Prosperty Sphere: A Food-Procurement Strategy. P. 96—97; *Хикита И.* Сэндзэн-сэндзики Нихон но тай Индосина кэйдзай синряку ни цуйтэ. URL: <http://www.rikkyo.ne.jp/univ/hikita/Profile.htm>. С. 18—19.

¹¹ *Tabuchi Y.* Op. cit. Pp. 92—95; *Barnhart M. A.* Op. cit. P. 143; *Саотомэ К.* Бэтонаму «200 ман нин», гаси но кироку, 1945 нэн Нихон сэньрёка дэ, Ооцуки сётэн. Токио, 1993. С. 14—15.

¹² *Tabuchi Y.* Op. cit. P. 89.

¹³ *Chesneaux J.* Vietnam. Zarys historyczny. Warszawa, 1957. P. 231.

¹⁴ *Нгуен Тиен Лык.* Указ. соч. С. 159—160, 162.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 157.

¹⁷ *Tabuchi Y.* Op. cit. P. 98.

¹⁸ *Нгуен Динь Ле.* Указ. соч. С. 34.

¹⁹ *Хикита И.* Указ. соч. С. 3—5.

²⁰ *Patti A. L. A.* Why Viet Nam? Prelude to America's Albatross // Berkeley, Los Angeles, London, 1980. P. 302.

²¹ *Хикита И.* Указ. соч. С. 7.

²² Японцы пытались проводить геологическую разведку тайно. В частности, сотрудники СИСЕИ занимались сбором сведений о географии, геологии и экономике Индокитая — см. *Patti A. L. A.* Op. cit. P. 302.

Е.В. Кобелев

ПЕРВЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ КПВ И РОССИЯ (Исторический очерк)

После начала реализации во Вьетнаме политики «обновления» (1986), особенно в последние 10 лет, в историографии этой страны начался активный процесс «очеловечения» основных этапов новой и новейшей истории Вьетнама, иными словами, началось глубокое научное изучение и осмысление жизни и деятельности конкретных творцов и участников истории. Так, уже вышли и продолжают выходить в свет многочисленные монографические исследования и научно-популярные сборники о героях национально-освободительной борьбы вьетнамского народа против французских колонизаторов, начиная с середины XIX в. и кончая подписанием в 1954 г. Женевских соглашений.

Среди этих публикаций выделяется монографическое исследование «Ле Хонг Фонг — негибимый боец международного коммунистического движения, выдающийся руководитель нашей Партии» (900 с., Ханой). В книге подробно, с использованием малоизвестных архивных данных и воспоминаний, часть из которых вводится в научный оборот впервые, рассказывается не только о Ле Хонг Фонге, но и о его жене Нгуен Тхи Минь Кхай, которая была одним из руководителей сайгонской парт-организации. Причем впервые авторы исследования акцентировали внимание на годах жизни и деятельности двух руководя-

ших деятелей КПВ в Москве и России, показали роль СССР, русских людей в их становлении как видных деятелей международного и вьетнамского национально-освободительного движения.

Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай — фигуры насколько героические, настолько и трагические. Они вступили в активную революционную борьбу в конце 1920-х — начале 1930-х годов — в период создания Компартии Вьетнама, под руководством которой борьба вьетнамских патриотов приобрела решительный, поистине самоотверженный характер. Естественно, реакция колонизаторов была весьма жесткой. Их гильотины, тюрьмы и концлагеря работали бесперебойно. Партия потеряла десятки тысяч бойцов, прежде чем в августе 1945 г. была обречена на независимость их родины.

Впоследствии вождь вьетнамской революции президент Хо Ши Мин писал: «Товарищи Чан Фу, Нго Зя Ты, Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай, Ха Хюи Тап, Нгуен Ван Кы, Хоанг Ван Тху и сотни тысяч других товарищей поставили интересы партии, революции, рабочего класса, нации превыше всего, впереди всего. Эти товарищи беззаветно верили в великие силы и славное будущее класса и нации... Они своей горячей кровью оросили древо революции, которое расцвело пышным цветом, и сегодня мы видим прекрасные результаты нашей революции»¹.

* * *

Ле Хонг Фонг родился в 1902 г. в пров. Нгеан (Центральный Вьетнам) в бедной крестьянской семье. Учился в сельской школе, изучал под руководством местного *nho si*—конфуцианца китайские иероглифы, затем окончил начальную школу на «куокн-гы» — латинизированной вьетнамской письменности. В 1920 г. после смерти отца, чтобы прокормить больную мать и младших братьев и сестер, уехал в центр провинции — город Винь — искать работу.

Это было время, когда захолустный в прошлом Винь на глазах становился главным торгово-экономическим центром всего Центрального Вьетнама. Вначале юноша устроился работником

в торговую фирму одного хуацяо, затем поступил рабочим на спичечную фабрику. На фабрике он сдружился с другим рабочим, которого звали Фам Хонг Тхай. В 1923 г. они приняли активное участие в забастовке рабочих фабрики, за что были ее хозяином уволены с «волчьим билетом».

Это были годы, когда широкоизвестный в патриотических кругах Вьетнама Фан Бой Тяу² проводил кампанию «Донгзу» («на Восток»), целью которой было способствовать выезду молодых вьетнамских патриотов в Японию и Китай, чтобы готовить из них кадры для будущей национально-освободительной революции. В январе 1924 г. под руководством зятя Фан Бой Тяу Вьонг Тхук Оаня 15 юношей из пров. Нгеан, в их числе и два друга, оставшиеся после увольнения без средств к существованию, преодолели горные перевалы хребта Чыонгшон и, пешком пройдя через весь Лаос, прибыли на горный северо-восток Таиланда.

Однажды, поднявшись на вершину высокой горы, Ле Хонг Фонг и Фам Хонг Тхай, подобно Герцену с Огарёвым, дали друг другу клятву всю свою жизнь посвятить делу освобождения родины: «Пока не зажжем свет над горами и реками, клянемся не возвращаться на Родину, к родным очагам!»³

Два друга не стали добираться до Японии, а обосновались неподалеку от своей родины — в Кантоне. В Южном Китае к этому времени сложились благоприятные условия для деятельности вьетнамских революционеров. Вьетнамцы работали в различных учреждениях Кантонской республики, возглавляемой Сунь Ятсеном, служили в ее Народно-революционной армии, учились в военно-политической академии Гоминандана Вампу.

Всего несколько месяцев жизни в бурном, кипящем как котел революционном Кантоне привели двух друзей к выводу, что им не по пути с «Обществом возрождения Вьетнама» Фан Бой Тяу. Они жаждали участия в конкретных боевых действиях против колонизаторов, Общество же в основном состояло из конфуцианцев преклонного возраста, которые лишь клеймили колонизаторов красивым слогом на своих коллективных встречах.

В результате была создана новая, боевая организация Там там ха — «Союз сердец», главным методом борьбы которой стал индивидуальный террор. Летом 1924 г. Фам Хонг Тхай совершил покушение на генерал-губернатора Индокитая Мерлэна, находившегося с визитом в Шамяни — кантонской резиденции консульств европейских держав. От взрыва брошенной им бомбы погибли несколько офицеров из свиты Мерлэна, сам же генерал-губернатор остался жив. Спасаясь от преследования полиции, Фам Хонг Тхай бросился с моста в реку, но не смог доплыть до берега и погиб.

Фан Бой Тяу был близко знаком с руководителем Кантонской республики Сунь Ятсеном и уговорил его принять первых молодых вьетнамских патриотов, прибывших из Сиам в Кантон, в военную школу Гоминьдана Вампу, в их числе и Ле Хонг Фонга. В школе Вампу в этот период уже преподавали советские военные, среди которых выделялся будущий Маршал Советского Союза В.К. Блюхер. Ле Хонг Фонга как самого здорового физически приняли на 9-месячные курсы в летную школу Вампу.

После их окончания руководство Вампу предложило представителю СССР и Коминтерна в Кантоне М.М. Бородину направить способного вьетнамского юношу в СССР для профессионального овладения летным делом. В октябре 1926 г. Ле Хонг Фонг прибыл в страну, о которой мечтали все его друзья по борьбе, и был принят в Военно-теоретическую школу воздушных сил в Ленинграде, где проучился до декабря 1927 г.

В сентябре 1928 г. в авиационном училище города Борисоглебска появился невысокий, подтянутый юноша. Михаил Литвинов, — представился он курсантам. Те удивлялись: фамилия русская, а по виду вроде бы из Азии товарищ. Самые настойчивые пытались дознаться, откуда он родом, чем занимаются его родители. Но новенький только отшучивался и переводил разговор на другое. Одного он не скрывал, что страстно любит авиацию, мечтает стать воздушным асом и что в Борисоглебск он прибыл из Ленинграда, где уже учился в военно-теоретической школе воздушных сил.

Прошло несколько месяцев напряженных занятий и тренировочных полетов, и вдруг Литвинов так же неожиданно исчез, как и появился. Еще долгое время после внезапного отъезда Ле Хонг Фонга в музее борисоглебского училища можно было обнаружить его фото на почетной доске бывших курсантов. Ле Хонг Фонга фактически можно считать первым вьетнамским летчиком, предтечей тысяч вьетнамских асов, которые в 1965—1973 гг. на советских МиГах защищали небо Вьетнама от воздушных атак самой мощной державы мира.

Ле Хонг Фонг был отозван из Борисоглебска в Москву по инициативе Исполкома Коминтерна (ИККИ). В декабре 1928 г. офицер советских ВВС Ле Хонг Фонг становится слушателем Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Проторил дорогу в это политическое учебное заведение, которое готовило партийные и революционные кадры для колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки, Нгуен Ай Куок (будущий Хо Ши Мин), который в июне 1923 г. одним из первых вьетнамцев прибыл в Советскую Россию и окончил краткосрочные курсы в этом университете.

Четыре года провел Михаил Литвинов в стенах КУТВа. Здесь он овладевал теорией революционной борьбы, здесь произошло его становление как убежденного марксиста-ленинца. Ле Хонг Фонг изучал марксистскую науку сквозь призму событий в Индокитае. Размышлениями о возможных путях развития вьетнамской революции полны его рабочие тетради того времени. Уже тогда Ле Хонг Фонг пришел к твердому убеждению, что победа вьетнамской революции и изгнание из страны колонизаторов возможны лишь на основе создания широкого общенационального фронта⁴.

В тот период в КУТВе уже обучались довольно много слушателей из колониального Вьетнама. Все они, естественно, учились в группе французского языка, и только Литвинов, который к тому времени уже практически свободно владел русским языком, был зачислен в группу русского языка. Но все вьетнамские слушатели, независимо от группы, подчинялись сектору Индокитай Восточного отдела ИККИ, который возглавляла известная деятельница Коминтерна В.Я. Васильева.

В 1929 г. в жизни Ле Хонг Фонга произошло очень важное для него событие: его приняли в члены ВКП(б). В своих рекомендациях советские слушатели университета С.В. Струль, А.Б. Пирумова и другие отзывались о нем, как о «вдумчивом, серьезном, выдержанном товарище, достойном носить звание члена ВКП(б)»⁵.

По инициативе В.Я. Васильевой в Восточном отделе ИККИ в конце 1920-х годов взяли курс на подготовку наиболее способных вьетнамских слушателей КУТВа для последующей их отправки в Индокитай в целях укрепления рядов национально-освободительного движения и подготовки условий для создания Компартии Индокитая.

И здесь на первый план сразу же выдвинулся Ле Хонг Фонг как наиболее способный и практически свободно знающий русский язык. Поэтому когда в середине 1928 г. в Москве собрался VI Конгресс Коминтерна, то именно Литвинов был приглашен для участия в работе Конгресса в качестве наблюдателя⁶.

Более того, ему было доверено руководство группой вьетнамцев для оперативного перевода на вьетнамский язык основных документов Коминтерна и нескольких наиболее актуальных для вьетнамского освободительного движения произведений марксизма-ленинизма, в том числе «Детской болезни “левизны” в коммунизме» В.И. Ленина и «АВС коммунизма» Бухарина и Преображенского. Все эти документы и книги затем издавались на вьетнамском языке и тайно вывозились во Вьетнам.

В 1930 г. после окончания КУТВа Ле Хонг Фонг был зачислен в аспирантуру, однако защитить диссертацию ему не удалось. Во Вьетнаме резко обострилась обстановка. В октябре 1930 г. в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь — начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная 3 февраля 1930 г. под руководством Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) Коммунистическая партия Вьетнама⁷.

В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру России Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, были в течение почти года, пока их не ликвидировали колони-

заторы, островками независимости в колониальном Индокитае. «Хотя французские империалисты потопили в крови это движение, — отмечал спустя 30 лет Хо Ши Мин, — Нгетиньские Советы явились свидетельством героизма и революционной бое-способности трудящихся Вьетнама. Хотя это движение потерпело поражение, оно выковало силы для победы Августовской революции»⁸.

Сразу же после подавления восстания по всему Вьетнаму начался полицейский террор. Многие организации недавно созданной КПИК были разгромлены. Между продолжавшими функционировать подпольными центрами не было связи. В этих условиях ИККИ принимает решение направить Ле Хонг Фонга в Южный Китай для восстановления связей с действующими организациями КПИК.

В июне 1932 г. в организациях КПИК в Южном Китае, а затем и в самом Вьетнаме появляется подготовленная в Москве при участии Ле Хонг Фонга, Чан Ван Зяу⁹ и ряда других вьетнамцев-коминтерновцев Программа действий КПИК. Вьетнамские историки считают, что этот документ был «Программой-минимум нашей Партии в новых условиях» и что «Ле Хонг Фонг внес огромный вклад в принятие, распространение и реализацию Программы действий Партии»¹⁰.

В марте 1934 г. Ле Хонг Фонг приезжает в португальскую колонию Макао (Южный Китай), где создает Заграничный руководящий комитет КПИК, а затем налаживает подпольное издание газеты «Большевик». В июне этого же года он созывает и руководит работой конференции с участием членов Загранкомитета и представителей парторганизаций, тайно прибывших из Вьетнама.

В это время из Москвы приходит сообщение, что вскоре состоится очередной Конгресс Коминтерна, для участия в котором необходимо направить представительную делегацию КПИК. Члены Загранкомитета поручают Ле Хонг Фонгу сформировать делегацию и возглавить ее.

Уже когда делегация находилась в Москве, 27—31 марта 1935 г. в Макао состоялся I съезд КПИК, который избрал Ле Хонг Фонга генеральным секретарем партии.

Делегация КПИК на VII Конгрессе Коминтерна состояла из трех человек: руководитель — Ле Хонг Фонг и два члена делегации — юная Нгуен Тхи Минь Кхай, темнокожая, как крестьянка, и мало кому знакомый Хоанг Ван Нон — посланец северной вьетнамской пров. Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

Нгуен Тхи Минь Кхай (1910—1941) родилась, как и Ле Хонг Фонг, в пров. Нгеан, в г. Винь. В 1927 г. приняла участие в протестных акциях рабочих г. Виня. Вступила в КПИК сразу же после ее создания, отвечала за агитацию среди рабочих завода в прибрежном районе Виня — Бентхюи. Вскоре по решению партии ее направили в Гонконг для работы в представительстве Восточного отдела Исполкома Коминтерна, где ее наставником и руководителем стал Нгуен Ай Куок.

29 апреля 1931 г. она должна была встретиться на явочной квартире с только что прибывшим из Советского Союза после окончания КУТВа членом КПИК Ле Хюи Боном, но была арестована. Три года провела Минь Кхай в гонконгской тюрьме, полностью отрезанная от друзей по партии. Но в ее судьбу вмешалось Международное общество помощи борцам революции (МОПР), и она, наконец-то, обрела свободу, перебравшись в Шанхай.

Но что делать дальше, как восстановить связь со своими товарищами?

И вот долгожданная встреча с друзьями, среди которых был один из руководителей КПИК Ле Хонг Фонг, от которого она неожиданно для себя узнает, что включена в состав делегации партии для участия в VII Конгрессе Коминтерна в Москве. Ле Хонг Фонг ознакомил ее с планом, как они будут добираться до Москвы советским пароходом из Шанхая. Через несколько дней делегацию торжественно встречали в порту Владивостока, затем — железнодорожный вокзал и 12 суток на поезде до Москвы. Кстати, таким путем добирались до Москвы десятки вьетнамских революционеров.

Почти месяц Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай провели вместе — вначале на пароходе, затем в одном купе поезда.

И произошло то, что не могло не произойти — они полюбили друг друга. Через несколько месяцев после завершения Конгресса Коминтерна вьетнамская диаспора в Москве стала свидетелем волнующего события — первой в истории Вьетнама «коммунистической свадьбы».

В 1970-х годах автор этих строк, собирая материалы к книге «Хо Ши Мин» в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), неоднократно встречался с Н.Н. Голеновским — бывшим сотрудником Исполкома Коминтерна, ответственным за партийцев из стран Юго-Восточной Азии. Он рассказал, что хорошо помнит, как в одном из районных московских ЗАГСов в скромной обстановке, в присутствии только нескольких близких друзей был официально зарегистрирован брак молодых вьетнамских революционеров.

VII Конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 г. в Колонном зале Дома союзов. На нем присутствовали 513 делегатов от 65 коммунистических партий и международных организаций. Деятельность КПИК фактически с первого дня работы Конгресса получила высокую оценку его участников, так как ее представитель Ле Хонг Фонг (он значился в документах Конгресса под именем Хайян) был единодушно избран в состав Президиума Конгресса.

В ходе девятого по счету пленарного заседания, 29 июля, он выступил с развернутым докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Нгетиньских Советов». Доложив о развитии революционного движения во Вьетнаме под руководством КПИК за 5 лет после ее создания, Ле Хонг Фонг указал на основные достижения и недостатки в ее деятельности, отметив при этом «огромную заслугу коммунистов Индокитая в том, что был положен конец фракционным распрям и достигнута внутрипартийная солидарность. В ходе революционной борьбы партия установила тесные связи с борющимися массами, добилась, что пролетариат стал руководящей силой этой борьбы»¹¹.

Говоря о перспективах и важнейших задачах, стоящих перед КПИК, он заявил: «В настоящее время мы располагаем гораздо большими возможностями для создания антиимпериалистического народного фронта, единого фронта всех народов Индоки-

тая в борьбе против общего врага — французских империалистов»¹².

Минь Кхай (в документах Конгресса значилась под именем Фан Лан), как самой юной и одной из немногих азиатских делегатов, Президиум Конгресса предоставил честь выступить с речью от имени женщин Востока. Впоследствии она вспоминала, что одним из самых волнующих событий в ходе работы Конгресса стала для нее встреча и беседа с Н.К. Крупской.

Решения и выводы VII Конгресса Коминтерна, как показали дальнейшие события, имели весьма важное значение для развития вьетнамского национально-освободительного движения. Как известно, на нем были сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались в первую очередь европейских компартий, выводы Конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским революционерам впоследствии определить и последовательно претворять в жизнь правильную линию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы становился опасным потенциальным противником вьетнамской революции.

Кроме того, VII Конгресс отверг сформулированные ранее левачьи установки о необходимости осуществления в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создания «советского правительства», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Было признано необходимым добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая широкие массы в борьбу против колонизаторов, за независимость страны, с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-реформистами массовых народных движениях.

Для вьетнамских патриотов положения VII Конгресса Коминтерна о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали мощным руководством к действию. Именно тактика единого национального фронта, проводимая с учетом степени зрелости национально-освободительного дви-

жения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов победы Августовской революции 1945 г.

Участники VII Конгресса утвердили решение ИККИ, принятое еще в 1931 г., о приеме Компартии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набравшее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

После завершения работы Конгресса в ИККИ довольно долго решали вопрос, каким путем наиболее безопасно вернуть членов делегации КПИК на родину. Поэтому первый месяц они отдыхали в одном из санаториев на берегу Черного моря, а затем, вернувшись в Москву, посещали курсы политехбы в КУТВе, где Ле Хонг Фонгу все было знакомо. В этот период он написал для органа Коминтерна журнала «Инпрекорр» статью «Роль пролетариата в революции в Индокитае», в которой разъяснял, что «буржуазно-демократическая революция в Индокитае (антиимпериалистическая и антифеодалная) не только является неразрывной частью мировой социалистической революции, но победа этой революции, благодаря имеющимся объективным условиям, будет означать первый этап на пути перехода ее в революцию социалистическую», и отсюда делал логический вывод: «Необходимое условие — пролетариат должен сохранять роль гегемона, руководителя этой революции»¹³.

В середине 1936 г. пути Ле Хонг Фонга и его боевой подруги временно разошлись. Ле Хонг Фонг отправился испытанным маршрутом во Вьетнам, чтобы информировать центральные органы КПИК о решениях Конгресса. А Минь Кхай отправилась на родину через Европу. В Париже она стала свидетелем первых зримых завоеваний Народного фронта. В такой обстановке она смогла легко избежать должного внимания со стороны французской полиции.

В июле 1936 г. в Шанхае появился одетый с иголки богатый китайский коммерсант. Он разъезжал по городу в собственной роскошной машине. Его коммерческое дело процветало. Он постоянно с кем-то встречался, вел секретные торги. Даже если бы шанхайская полиция узнала, что преуспевающий ком-

мерсант не кто иной, как Ле Хонг Фонг, единственное, что она смогла бы сделать, — это выслать его из страны. У вьетнамского подпольщика не было при себе ни одного документа, который мог бы стать уликой. Основные материалы VII Конгресса Коминтерна он выучил наизусть.

В Шанхае посланец из Москвы созвал пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в политическую линию партии в соответствии с решениями VII Конгресса. С учетом прихода к власти во Франции правительства Народного фронта пленум одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократический фронт Индокитае.

На очередном пленуме ЦК КПИК в марте 1937 г. в Сайгоне этот стратегический лозунг был поставлен на практические, конкретные рельсы. Пленум констатировал, что привычные методы организационной работы партии не успевают за бурным развитием демократического движения масс. Кроме того, требовали пересмотра некоторые левачьи, чрезмерно радикальные организационные формы.

Добравшись до Сайгона, Ле Хонг Фонг с головой ушел в повседневную революционную работу. Великолепный конспиратор, он постоянно менял свое лицо. То он работает учителем китайского языка в одной из школ Тёлона (пригорода Сайгона), то агентом торговой фирмы, то слесарем в мастерской. Сайгонская полиция сбилась с ног в поисках подпольщика.

За два года, проведенных в Сайгоне до ареста, Ле Хонг Фонг проделал огромную работу. По его рекомендациям партия взяла курс на создание широкого антиимпериалистического народного фронта. Перед членами КПИК ставилась задача, используя легальные и полулегальные формы работы, вовлекать в политическую борьбу все классы, партии, политические организации, религиозные группы и народности, стремящиеся к демократии и национальному освобождению. Благодаря созданию такого фронта, движение за национальное освобождение Вьетнама вступило в новый этап — оно стало поистине массовым.

Его неутомимую деятельность на благо национального освобождения остановила черная рука предателя: 22 июня 1939 г. Ле

Хонг Фонг был схвачен в Сайгоне колониальной охранкой. Но полицейские, как и следовало ожидать, не нашли при подпольщике доказательств его принадлежности к КПИК; он был брошен в тюрьму лишь по обвинению в ношении поддельного удостоверения. Чтобы расправиться с «опасным преступником» на законных основаниях (это был период, когда у власти во Франции все еще находился Народный фронт, а в самом Индокитае набирали силу процессы некоторой демократизации политической жизни), нужны были неопровержимые улики. И возможность найти их, казалось, представилась: вскоре в полицейский капкан угодила и Нгуен Тхи Минь Кхай.

Трагической была последняя встреча Ле Хонг Фонга с его боевой подругой. Кажется, совсем недавно они, взявшись за руки, бродили по улицам далекой Москвы. И вот они стоят друг против друга, закованные в кандалы, посреди камеры для допросов центральной сайгонской тюрьмы Кхамлон. Их свидание называется очной ставкой. Охранке было известно, что Нгуен Тхи Минь Кхай — секретарь сайгонского горкома КПИК и, по некоторым данным, жена Ле Хонг Фонга. Дело оставалось за малым — арестованные должны были признать друг друга на очной ставке. Однако измученные пытками революционеры ни словом, ни взглядом не выдали, что знают друг друга.

На очной ставке Минь Кхай не могла сообщить своему мужу, что год назад у них родилась дочь. Сразу же после родов через свою сестру она передала мужу краткую записку: «Я родила девочку, мы обе здоровы», но не была уверена, что эта записка дошла до адресата. А Ле Хонг Фонг не знал и не мог спросить, кого родила Минь Кхай и где находится ребенок.

В середине 1980-х годов автору этих строк довелось встретиться в г. Хошимине (бывшем Сайгоне) с дочерью героев этого очерка, которую звали Хонг Минь. Это имя дала ей мама, сложив его из частей своего имени и имени отца. Но это было не простое «сложение»: Хонг Минь по-вьетнамски означает — Утренняя заря, или, если переходить на поэтический язык, — Аврора. А ведь Минь Кхай, как и большинство вьетнамских патриотов той поры, боготворила Великую Октябрьскую револю-

цию в России и хотела, чтобы ее дочь носила имя крейсера «Аврора».

— Я совсем не помню своих родителей, — вспоминала Хонг Минь. — Ведь я родилась в тюрьме и была с ними разлучена. Лишь когда подросла, узнала об их судьбе. Хотя в детстве мои родители жили совсем недалеко друг от друга в пров. Нгеан, но впервые познакомились только весной 1935 г. на пути в Москву. Путешествие было долгим, они успели переговорить, наверное, обо всем на свете и поняли, как близки друг другу. В Москве они поженились. Молодые подпольщики пронесли свою любовь, вспыхнувшую под московским небом, через всю свою короткую, но славную жизнь.

* * *

Не сумев раздобыть веские улики против Ле Хонг Фонга, судебные власти Сайгона приняли решение выслать его под домашний арест на родину в пров. Нгеан. Однако в ноябре 1940 г. в Кохинхине произошли события, которые резко изменили судьбу и самого Ле Хонг Фонга, и находившейся в тюрьме Минь Кхай. К концу 1940 г. ситуация во Вьетнаме развивалась так, что в Кохинхине сложились наиболее благоприятные условия для активной деятельности КПИК. Там не было японских войск — тогда они уже были введены в Тонкин (Северный Вьетнам). Параллельно с этим в ноябре сиа́мские милитаристы развязали войну против Индокитая.

Стремясь остановить сиа́мское наступление, французы провели широкую мобилизацию среди населения Кохинхины. Это вызвало большое возмущение в местном обществе, и вьетнамские солдаты начали в массовом порядке дезертировать из французских войск.

В создавшихся условиях члены Комитета КПИК Кохинхины сочли военно-политический момент крайне благоприятным для революционных действий и приняли судьбоносное решение о начале вооруженного восстания в масштабах всего Юга страны.

Но французской охранке незадолго до восстания удалось захватить документы, раскрывавшие сроки его начала. В результате власти успели мобилизовать оставшиеся надежными войска, разоружили революционно настроенных вьетнамских солдат и заперли их в казармах, ввели в основных городах дельты Меконга комендантский час и провели массовые аресты среди руководителей будущего восстания: за решеткой оказались видные деятели КПИК — Нгуен Ван Кы, Ха Хюи Тап, Нгуен Тхи Минь Кхай и др.

Несмотря на это, «восстание Намки» (Кохинхина по-вьетнамски Намки) все-таки началось в запланированные сроки — в ночь на 23 ноября 1940 г. — и быстро охватило провинции Зядинь, Бьенхоа, Митхо, Кантхо, главный город Юга страны — Сайгон, затем распространилось на западные провинции Кохинхины, вплоть до Ратьзя и Баклиеу. Примечательно, что именно в разгар этого восстания в провинциях Митхо и Виньлонг впервые в руках повстанцев появился красный флаг с желтой звездой, который стал затем государственным флагом в начале Демократической Республики Вьетнам, а ныне — Социалистической Республики Вьетнам.

Но охваченные восстанием революционные районы продержались недолго: в течение двух месяцев восстание было подавлено, причем с жестокостью, превосходившей даже самые страшные дни террора 1930—1931 гг. В течение 40 дней в четырех провинциях — Зядинь, Митхо, Лонгсюен, Кантхо — было схвачено и расстреляно около 6 тыс. повстанцев. Немало местных организаций КПИК было разгромлено, а арестованные ранее руководители КПИК, в их числе Нгуен Тхи Минь Кхай, были приговорены к смертной казни.

В этих условиях Верховный суд Франции пересмотрел «дело» Ле Хонг Фонга, привязав его к «восстанию Намки». В конце 1940 г., после нескольких месяцев заключения в сайгонской тюрьме, его этапировали на остров смерти Пуло-Кондор (сегодня — о. Кондао).

Французы захватили о. Кондао, расположенный в 97 морских милях от курортного города Вунгтау, в 1862 г. и почти сразу же стали обустраивать его как огромную тюрьму для поли-

тических заключенных. Тюрьма была разделена на четыре Bagne — каторжных участка. В первые 50 лет существования островной тюрьмы число заключенных варьировалось в районе 1 тыс. человек. Однако по мере нарастания революционного движения, и особенно после «восстания Намки», оно стало быстро увеличиваться и к 15 января 1943 г. достигло 4403 человека¹⁴.

Хотя все участники «восстания Намки» были размещены в Bagne III и Bagne II, Ле Хонг Фонга решили изолировать от них, определив в «тигровую клетку» в километре от основной базы лагеря. Но там уже давно действовала подпольная организация, которая вскоре установила с ним регулярную связь.

Это был период наивысшего ужесточения тюремного режима на Кондао. «Восстание Намки» потрясло до основания колониальный режим во Вьетнаме. Колонизаторы, с одной стороны, развернули в отместку массовые репрессии, с другой — в их действиях сквозил страх перед революционной стихией. Тюремщики боялись даже закованных в кандалы революционеров и жестоко издевались над ними.

Вскоре Ле Хонг Фонга перевели в один из барачков Bagne II, где его соседями стали несколько весьма колоритных фигур — Нгуен Ан Нинь, Та Тху Тхау и Хюинь Ван Тхао.¹⁵ Между двумя последними постоянно шли жаркие споры философско-религиозного плана. Иногда эти споры принимали такой яростный характер, что Ле Хонг Фонгу приходилось вмешиваться и примирять спорщиков. Он разъяснял им положения марксизма о религии, о классах и классовой борьбе, о решающей роли человека в конкретных исторических условиях.

Когда германские фашисты напали на Советский Союз, узники Кондао, даже те, кто содержался в «тигровых клетках», находили возможность следить за ходом Великой Отечественной войны советского народа. В дни, когда с советского фронта приходили безрадостные вести, Ле Хонг Фонг рассказывал своим сотоварищам, какая великая страна Россия, каких успехов добился советский народ в строительстве новой жизни, и убеждал их, что никогда фашистам не победить такой народ. Он сочинил восьмистишие, в котором нарисовал картину скорой по-

беды советского народа и освобождения Вьетнама, а в конце выразил уверенность, что в свободном Вьетнаме о. Кондао станет природной жемчужиной и местом отдыха трудящихся. Он даже разучил с соседями по бараку песню «Русская девушка», которую сам сочинил, когда учился в Советской России¹⁶.

Годы заключения на острове Ле Хонг Фонг жил с незаживающей раной в сердце: он ничего не знал о судьбе своей Минь Кхай. И вот однажды посреди жаркого летнего дня 1942 г. он случайно познакомился с охранником-индусом, недавно прибывшим на остров с материка, и спросил его, не знает ли он случайно, что случилось с женщиной по имени Минь Кхай, которая содержалась в одиночке сайгонской тюрьмы Кхамлон, и услышал от него трагическую весть:

— Великую госпожу Минь Кхай давно расстреляли. Я называю ее великой, потому что так оно и есть — горы должны рухнуть перед ее памятью, деревья должны склонить свои ветви, приветствуя ее мужество¹⁷.

Охранник рассказал, что день 28 августа 1941 г., когда ее расстреляли, стоит у него перед глазами, словно это было вчера. Перед расстрелом Минь Кхай надела белое платье, чтобы подчеркнуть, что все ее помыслы, все ее стремления всегда были чисты, что она всю жизнь боролась против зла и угнетения, за свободу и счастье своего народа. Палачи пытались перед казнью завязать ей глаза, но она сбросила черную повязку, громко крикнув:

«Я не боюсь смерти и встречу ее с открытыми глазами!»

Идя на эшафот, она призывала заключенных быть стойкими, не поддаваться врагам. Конвоиры в ответ кололи ее штыками, и по ее ярко-белой одежде текла кровь. Она попросила у палачей дать ей время, чтобы обратиться к людям, стоявшим вокруг стен тюрьмы. Ей дали всего пять минут. Она говорила и на вьетнамском, и на французском, обращаясь к французским солдатам: «Наше дело правое. Мы делаем революцию, потому что хотим видеть Родину независимой, а народ счастливым. Мы не совершили никакого преступления».

Когда прозвучала команда офицера приготовиться и солдаты направили на нее дула винтовок, она успела восклик-

нуть: «Да здравствует Компартия Индокитая! Да здравствует победа Вьетнамской революции!»

На стене камеры, в которой содержалась Нгуен Тхи Минь Кхай, нашли надпись: «О себе не беспокоюсь. Все мои помыслы — о спасении партии»¹⁸.

Бывший генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан спустя многие годы дал такую характеристику Минь Кхай: «Я встречался и вместе работал с большим числом женщин — членов партии, но никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них стремился осознанно взвалить на свои плечи роль революционного руководителя, как товарищ Минь Кхай»¹⁹.

Ле Хонг Фонга смерть настигла 6 сентября 1942 г. — он умер от скоротечной чахотки. Последними его словами, обращенными к соседям по камере, были: «Товарищи, передайте партии, что Ле Хонг Фонг до последнего вздоха всем сердцем верил в славную победу нашей революции»²⁰.

Пророческими оказались его предсмертные слова. Всего через три года во Вьетнаме победила Августовская революция, и его родина стала независимой. Сразу же после освобождения Кондао все политзаключенные собрались у могилы Ле Хонг Фонга и возвели временный памятник из кирпичей, которые производились ими же на острове. 17 сентября 1945 г. на остров прибыла делегация правительства сопротивления района Намбо (Южного Вьетнама), чтобы приветствовать оставшихся в живых политзаключенных. Члены делегации возложили траурные венки на могилы Ле Хонг Фонга, а также бывшего его соседа по камере Нгуен Ан Ниня.

В годы войны сопротивления против французских колонизаторов (1946 — 1954), так же как и в период американской агрессии, враги не раз разрушали скромный памятник на могиле Ле Хонг Фонга, чтобы стереть с лица земли даже память о нем. Но каждый раз узники Кондао тайком восстанавливали его. После полного освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны (1975 г.) по решению правительства СРВ на могиле Ле Хонг Фонга был воздвигнут величественный памятник, достойный его неопенимого вклада в победу вьетнамского национально-освободительного движения.

А в 2013 г. сбылось и другое его предвидение: о. Кондао был объявлен курортной зоной, куда уже приезжают тысячи вьетнамских и зарубежных туристов, в том числе и из далекой России, которую Ле Хонг Фонг так любил.

Примечания

¹ Цит. по: *Lê Hồng Phong, Chiến sĩ cộng sản quốc tế kiên cường, Nhà lãnh đạo xuất sắc của Đảng ta* (Ле Хонг Фонг, Несгибаемый боец интернационала коммунистов. Выдающийся руководитель нашей партии). Hà Nội, 2012. Тр. 13.

² Фан Бой Тяу (1867—1940) — выдающийся деятель вьетнамского национально-освободительного движения, революционер-демократ, сторонник вооруженной борьбы за освобождение Вьетнама от колониальной зависимости, основатель патриотической организации «Общество возрождения Вьетнама».

³ *Lê Hồng Phong, Chiến sĩ cộng sản quốc tế kiên cường ...* Тр. 6.

⁴ Архив Коминтерна: «Вьетнамская тетрадь».

⁵ Там же.

⁶ См. Quinn-Judge, Sophie. Ho Chi Minh — The Missing Years 1919—1941. London, 2003. P. 125.

⁷ На первом пленуме ЦК партии в октябре 1930 г. она была переименована в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Это было сделано по рекомендации Исполкома Коминтерна, который исходил из того, что Французский Индокитай представлял собой тогда и политически, и географически единое целое, и перед народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи стояли одинаковые цели борьбы против колонизаторов, за национальное освобождение.

⁸ *Hồ Chí Minh, Toàn tập*, Т. 10, Hà Nội, 1996. Тр. 9.

⁹ Чан Ван Зяу (1911—2010) — видный деятель вьетнамского национально-освободительного движения. В 1930—1932 гг. — слушатель КУТВа. Один из руководителей КПИК в Кохинхине. Активный участник Августовской революции 1945 г. в Сайгоне. В ДРВ стал крупным историком, автором фундаментальных исследований по истории вьетнамского рабочего и коммунистического движения.

¹⁰ *Lê Hồng Phong, Chiến sĩ cộng sản quốc tế kiên cường...* Тр. 414—415.

¹¹ Đảng cộng sản Việt Nam: văn kiện Đảng, Toàn tập, т. 5. Tr. 320.

¹² Ibid. Tr. 324.

¹³ Ibid. Tr. 377.

¹⁴ *Nguyễn Đình Thông*. Côn Đảo từ góc nhìn lịch sử (Кондао под историческим углом зрения), Th. phổ Hồ Chí Minh, 2012, Tr. 11.

¹⁵ Нгуен Ан Нинь — видный патриот-националист, основатель двух самых влиятельных оппозиционных колониальному режиму газет — «La cloche fele» и «La lutte».

Та Тху Тху — видный революционер, руководитель троцкистской фракции в коммунистическом движении Вьетнама;

Хюинь Ван Тхао — один из политических лидеров влиятельной в Кохинхине религиозной секты Каодай.

¹⁶ *Nguyễn Đình Thông*. Op. cit. Tr. 169—170.

¹⁷ *Nguyệt Tú*. Chí Minh Khai. Truyền Ki. Gia Jai, 2013. Tr. 171.

¹⁸ Ibid. Tr. 172.

¹⁹ Ibid. Tr. 6.

²⁰ *Nguyễn Đình Thông*. Op. cit. Tr. 172.

Н.В. Григорьева

КОРОЛИ ХУНГИ И «ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ» В ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА

«Традиции», которые кажутся старыми
или претендуют на то, что они старые,
часто оказываются совсем недавнего
происхождения и нередко — изобретенными.

*Эрик Джон Эрнест Хобсбаум*¹

Короли Хунги (*Hùng Vương, các Vua Hùng*), согласно легендам, вошедшим в исторические хроники², — короли первой вьетнамской³ династии, которая именовалась Хонг Банг и правила на протяжении 18 поколений, с 2879 г. по 258 г. до н.э. Принято считать, что короли Хунги управляли государством Ванланг, государственным объединением лаквьетов, непосредственных этнических предков современных вьетнамцев. Несмотря на то что источником информации о королях Хунгах являются легенды и предания, записанные лишь в XIV—XV вв., современная историческая наука Вьетнама если и не признает абсолютную реальность королей, то широко использует их имя для обозначения исторической эпохи, которая предшествовала китайским завоеваниям. Вьетнамские обществоведы часто соотносят «эпоху королей Хунгов» с эпохой бронзы, материальные